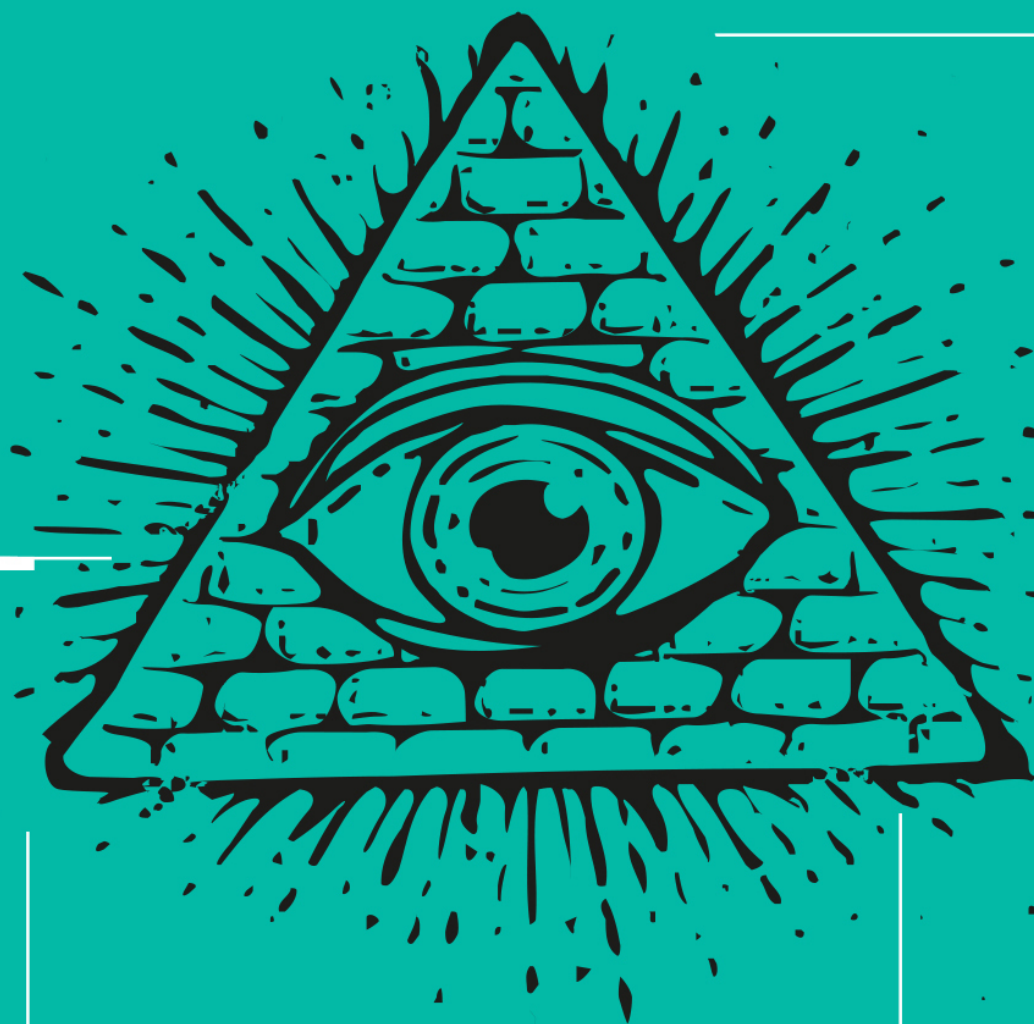

ЗДРАВСТВУЙТЕ,

Я ВАША «КРЫША», ИЛИ НОВЫЙ АЛАДДИН

Юлия Латынина

Юлия Латынина

**Здравствуйте, я ваша
«крыша», или Новый Аладдин**

«ЭКСМО»

1997

Латынина Ю. Л.

Здравствуйте, я ваша «крыша», или Новый Аладдин /
Ю. Л. Латынина — «Эксмо», 1997

Юмористически-приключенческое произведение о том, как книга с древними заклятиями попадает к братку. Поможет ли ему магия захватить власть в своей группировке, а может быть даже в стране, сделает ли она его хуже продажных чиновников или даже потустороннего беса? Интересно? Не пугает атмосфера России 90-х годов? Тогда это книга для вас.

© Латынина Ю. Л., 1997

© Эксмо, 1997

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	23
-----------------------------------	----

Юлия Латынина

Здравствуйте, я ваша «крыша» или Новый Аладдин

Шариф Александрович Ходжаев, 34 года, холост, сотрудник частного охранного агентства «Алмаз».

Восемнадцатого Князь позвал меня к себе вместе с Вовиком и велел съездить в Рязань – взять там у одного человека пакет и доставить пакет на дачку при Успенском шоссе.

Тачку мне выделили старую – драная «Волга» восемьдесят третьего года и цвет голубой, как у педика. Плохо. Чем задрипанней вид у тачки, тем опаснее дело. Скорость у тачки была ого-го – движок ей впаяли мерседесовский. Не «Волга», а «Мерседес» в «волгиной» шкуре. Совсем плохо. Если на задрипанной машине да хороший движок, то и воляна не помешает...

В компанию мне дали Башку, да Сашеньку Старика, да Генку. Скажем прямо, неважная компания. Сашеньке один тип еще в семидесятых выстрелил в голову из дробовика, и с тех пор в голове Сашеньки сидят восемнадцать дробинок. Врачи отпустили Сашеньку с богом, сказав, что ни одна из дробинок не добралась до мозга. Я так думаю, что добираться было не до чего, вот и не добралась.

Димка Башка – оригинальный человек. Это единственный из моих знакомых, который ограбил магазин, используя в качестве оружия таракана. Он зашел в магазин, где кассиром работала девчонка, вытащил из кармана спичечный коробок и показал огромного таракана в коробке. Девчонка онемела от ужаса, а Димка сказал ей, что это тарантул и что он вытрясет тарантула ей за шею, если девка не отдаст выручку.

У Сашеньки две ходки, обе за ограбление. Один раз его поймали прямо у дверей обменного пункта, с пулей в заднице. Другой раз все сошло благополучно, они сели в украденную для такого случая тачку и поехали. Тачка была 1979 года выпуска, «Москвич», заела на первой скорости и не хотела переключаться. С той поры у Сашеньки в ходу поговорка: это опасней, чем угнать «Москвич» – про совсем гиблое дело.

Уже по дороге в Рязань слышу по радио: так, мол, и так, завалили в Рязани какого-то старичка. Хорошая у старичка была библиотека, мол, есть подозрение, что не вся библиотека на месте. В связи с этим какой-то фраер комментирует, что на недавно состоявшемся в Израиле совещании глав российской преступной общественности принято решение об увеличении потока антикварной контрабанды из России. Все, мол, иконы, уже повывозили, теперь придется браться за не православную старину... И вот результат. Ну-ну. Решения верхов, как известно, всегда тяжело сказываются на жизни трудящихся.

Хорошо. Приехали мы в Рязань, я пустил впереди себя Сашеньку, тот осмотрелся, зашел во двор: все в порядке. Взяли мы дипломат, погрузили и поехали обратно. Поехать-то поехали, да километров за полтораста от Москвы нас тормознул гаишник. Как раз напротив был длинный белый забор, и за ним – две трубы, толстые, как перевернутый горшок. Завод. Пригород какого-то Тьму-Тараканска. Гаишник интересуется, что, мол, везете, мы культурно объясняем. Не понравился мне этот гаишник.

Эти ребята в паре с братвой работают: гаишник выясняет, что, мол, да кто такие, а через полчаса тебя останавливают его хозяева в штатском и берут за проезд по высшему тарифу.

Словом, уже темнело, я решил не дожидаться напарников гаишника и остановился в городишке.

Подкатываем к гостинице. Гостиница гремит, весь первый этаж так и бьет светом, из раскрытых окон музыка, словно ста котам наступили на хвост, и у входа стриженные мальчики при

ярко-красном «додже». С презрением смотрят мальчики на нашу голубую, как Эдик Лимонов, «Волгу». Ну, ясно – кто-то крутой свадьбу справляет или друзей кормит.

Мы сегодня не крутые. Мы вообще не крутые. Нам для этой публики лучше быть лохами. Да и мальчики не будут бить нашу тачку. Красивые мальчики. Прикинутые. Крутые, но не отмороженные.

Я Димку и Сашку инструктирую: не хамить, не задиаться и вообще вести себя, как пионеры на всерайонном конкурсе лучших чтецов.

Мы входим. Красота! В дальнем углу стол, широкий, и за ним человек двенадцать. Главный за столом как-то странно сидит... ба, да я же знаю его. По рассказам знаю. Кто Лешку Горбуна не знает? Лешка Горбун вообще-то не из этого городка. Лешка Горбун из Подмосковья. Но в Подмосковье для него тесно. Значит, и сюда приехал. Непонятно, чего они празднуют. То ли новый заводик купили, то ли завалили кого надо.

Я слышал, как Леша Горбун асфальтовый завод покупал. На чековый аукцион выставили 20 % акций. Мой-то шеф заранее с Лешей договорился – куда Леша ходит, туда я не хожу, куда я хожу, тебе, Леша, не надо, а с фраерами никто не договаривался. Так Горбун поставил боевиков вокруг здания и отгонял всех, кому не положено. Один борзой бизнесмен потом заявил, что результаты аукциона были незаконны, и за это свое заявление вылетел из четвертого этажа. Между прочим, жив остался – в мусорный бак угодил. Туда, в бак, еще пальнули сверху – и тоже мимо. Но так или иначе, а подействовало: забрал бизнесмен свое заявление и больше не суеился.

А Лешка Горбун меня не знает. У него есть горб, а у меня нет. Он большой человек, а я маленький. А может, и знает. Может, у него компьютер есть. И база данных на всех, кто занимается схожим видом предпринимательской деятельности. Такая база данных, что в ментовке многие с Останкинской телебашни готовы прыгать, чтобы ее заполучить.

И вот сидит сейчас Леша, а перед ним поросята в хрену и закуски, и бутылок больше, чем людей. А еще перед ним стоит торт. И торт этот сделан в виде промышленного сооружения. И, постучав друг о дружку полушариями, я вдруг узнаю в этом торте тот самый заводик, который мы проезжали минут двадцать назад. Ну да – газгольдеры из марципана, трубы из пряника, и даже сверху шоколадом изображен черный дым. И вот Горбун берет нож и ясно, что сейчас он этот завод будет есть, под шумное одобрение присутствующих.

Я говорю Саше: «Пикнешь – убью», – и бочком-бочком за ближайший к выходу столик. Моя кодла садится со мной. Минута, другая – к нам никто не подходит. Горбун любит тортом, а потом он торт отодвигает и придвигает к себе поросенка – сладкое на потом. Наконец Генка цепляет пробегающего мимо официанта и тычет в меню.

– Свинину, – говорит Генка.

– Нету, – говорит официант.

– Тогда гуляш, – говорю я.

– Нету!

– А это что, – говорит Генка, указывая в зал, где Горбун старается над поросем.

– Заткни пасть, – говорю я Генке, – а что у вас есть?

– Макароны.

– Неси макароны, – говорю я.

Тут кто-то касается моего плеча. Я оглядываюсь, – за моей спиной два мальчика. Очень вежливые. Белые брюки и пиджаки в полосочку.

– Шел бы ты ночевать в свой номер, – говорит один из мальчиков. – И жратву тебе туда принесут.

Вообще-то, если бы я был сам по себе, я бы мог начать качать права. Это даже удивительно, что за столом нет моих знакомых. Но знакомые шефа уж точно найдутся. Я бы мог разъяснить кое-что этой лощенной «шестерке», которую опету-шат в первом же ИВС.

Но мы здесь инкогнито. Нам сказали не высовываться.

И я бледнею, как самый заправский лох, и, сглотнув, выбываю из зала.

Чтобы не выделяться, мы берем один номер на четверых. Номер – на третьем этаже, кровать-сексодром – посередине комнаты и сантехника времен царя Гороха.

Горничная заверяет нас, что ужин скоро будет.

Я кладу дипломат на кровать, и Генка отправляется в душ. У него привычка такая – мыться каждый день. Он эту привычку подхватил у буддистов. Генка три года медитировал у буддистов. Но они так его ничему и не научили. Они обещали его научить летать, а все, чем кончилось дело, – это его научили подпрыгивать в позе лотоса. Генка ужасно зол на эту публику и считает, что они его обманули. В прошлом году он крестился, но мыться каждый день не перестал.

Генка моется, на первом этаже ухает музыка и пляшут люди, время все идет, и в моем желудке одна кишка предъявляет иск к другой,

– Саша, – говорю я, – сходи за ужином. Но культурно. Без мордобоя.

Саша идет за ужином, Генка моется, а Башка сидит посередине комнаты и ноет:

– Ходжа, слышь. Ходжа! Посмотрим, что в дипломате!

– Иконы, – говорит Генка, выходя из ванной.

– Спорим, что книжки, – говорю я.

– Дай откроем!

– Зачем тебе?

– Ну, понимаешь, – мнется Генка, – на меня эти буддисты навели порчу. Ночью не сплю. Мне одна бабка в церкви посоветовала на иконы чаще глядеть.

– Нечего тебе в дипломат лезть, – возражаю я, – вон, иди вниз и покупай, сколько надо. Я там в холле киоск видел: лежит иконка Богоматери и даже написано: «Богоматерь Владимирская. Хорошо очищает прану».

– Это все не то, – говорит Генка, – мало ли на чем эти иконки напечатаны! Их, может быть, на таком оборудовании печатали, на котором раньше стряпали карманный справочник атеиста. Они так тебе прану очистят, что сразу в лапы бесам попадешь. А художник, который их рисовал, он, может, вообще к Белому дому в 1991-м ходил.

– А чего плохого? – говорю я. – Или он к Белому дому в 93-м должен был ходить?

– Никуда он не должен был ходить, – объясняет Генка, – истинный православный не должен иметь дела с сатанинским государством. В армии не должен служить, налогов не должен платить и к их должностям не иметь никакого отношения. Вот так живут праведные люди.

– Здорово, – говорю я, – прямо «синяки».

– Дурак ты, – говорит Башка, – а истинная икона, которая до раскола, она знаешь как помогает? Если от нее щепочку съешь, то ни один «калаш» тебя не возьмет.

– И вправду. Ходжа, – поддакивает сзади Генка, – открой ящик, не жлобствуй!

Ну, открыл я дипломат, ключа у меня не было, я булавкой поковырялся и открыл. В дипломате пять книжек, одна старше другой. Таких старых и на свалках-то не встретишь. Вовчик ухватился за книжку и стал смотреть. Аж язык высунул от усердия.

– Да ты вслух читай, – просит его Генка.

– Да тут по-английски.

– А вон Шариф у нас образованный, – говорит Генка.

Ого! Образованный! С третьего курса выперли, так уж и образованный!

Взял я книжку и стал читать.

Вдруг – бац! Треск, шум, посередине нашего номера какой-то парень вываливается из шкафа, и тут же гаснет свет.

Мы, естественно, разбирать не стали – Генка хватается «макар», я «ТТ» – и мы начинаем по этому парню в темноте очень ловко палить. Все, думаю, шерстяные.

Парень лежит и не шевелится.

– Сматываемся, – говорит Генка.

– Да погоди ты, – говорю я, – никто ничего не слышал.

Действительно. В ресторане идет большой праздник, даже на третьем этаже пол вздрагивает, и какие-то охламоны под хеви метал – бух! Бух! Наш с Генкой дуэт на волынах никто и не услышал.

Тут – стук в дверь, и входит Башка, с кастрюлей в руках.

– Принес, – говорит, – макарон. А вы чего, ребята, без света сидите?

– Лампочка, – говорю, – разлетелась.

– А это, – спрашивает Башка, – кто лежит под столом?

– Сейчас узнаем, – говорю я. Щупаю провод и зажигаю бра на кроватью.

– Ого! – удивляется Вовчик.

На полу лежит парень, свернувшись, как цыпленок в яйце. Во-первых, живой. Во-вторых, одет он... Да в общем, ничего одет. Я один раз фильм «Ричард III» видел, так вот – этот Ричард был примерно так же одет. Красная такая хламида, шитая золотыми дракончиками, и берет с пером.

– В шкафу сидел, падла, – объясняет Вовчик и спрашивает парня:

– Ты кто такой?

Тот отвечает что-то такое невнятное, так что я его для улучшения дикции луплю по роже. Он глаза закрыл и не шевелится.

– Ладно, – говорю, – сейчас посмотрим, откуда ты, сокол.

И начинаю его обыскивать. Хламиду я его на нем разодрал, сунул руку за пазуху – мать честная!

– Братцы, – говорю, – это девка. И точно – груди, как на третьей странице газеты «Сан». Глаза у Вовчика потеплели.

– Ну, – говорит Вовчик, – раз девка, будет весело, – и дерет на ней рубашку дальше, до самого конца.

– Е! – говорит Вовка, – это не девка. Я смотрю – мать честная! Грудь грудями, безо всякого лифчика, а на срамном месте такая, понимаешь, скалка, я таких скалок даже в порнушках не видел.

Тут наш гость начал в себя приходить. Я говорю:

– Ты кто?

Оно чего-то не по-нашему.

Я его хрясь!

– Ты по-русски знаешь?

– Знаю, – говорит наше гость, – простите, ясновельможные паны.

Произношение у него! Как у радио во время грозы!

Я интересуюсь:

– Ты кто, парень или девка?

А он:

– Я – бес, ясновельможный пан. Ты меня зачем звал?

– Бес? – говорит Сашка, а сам трясется, – какой Бес? Беса в прошлом году завалили.

Это он, значит, имеет в виду Бесо Ананишвили, вора пиковой масти, хороший был человек.

– Да цыц ты, – говорю я Сашку, – не видишь, он не грузин. Он, по-моему, вообще поляк. У тебя какая национальность, парень?

Парень (если оно парень) обижается. Глаза его блистают.

– Ты подумай, – возмущается он, – какая у беса может быть национальность. Чего ты мелешь! А еще колдун!

- Кто колдун?
- Ты!
- Я? – я тычу в себя от изумления пальцем.
- Ты! Кто меня вызывал?
- Я тебя вызывал?!
- А книжку кто читал?

Книжка так и лежит на постели, растопылив страницы, словно девка – белые ножки. Я поскорее подбираю ее.

- Так, – говорю я, – чем же я тебя вызвал?
- Ты прочитал заклинание.

До меня наконец стало доходить. Проклятая книжка была старой. Очень старой. Такой старой, что на титульном листе не стояло года издания. То есть год издания стоял, но не арабскими цифрами. Он стоял какими-то крестиками и буковками.

– Это ты загибаешь, – вдруг говорю я. – Вот так прочитал заклинание и вызвал беса? Да от вас тогда бы не проходнуть было! Да от одного звонка и ментовка не придет!

– Во-первых, – поясняет бес, – не так-то часто эту книгу читали вслух за последнюю сотню лет. Если хочешь знать, у последнего хозяина она вообще стояла без дела, он только пыль с нее сдувал. А во-вторых, вызывание бесов – это вроде как поэзия. Для того чтобы написать «Aexegí monumen-tum», мало знать поэтический размер и латынь, нужно еще, знаешь, нечто такое...

– Понятно, – говорю я, – значит, в искусстве вызывания бесов я вроде Пушкина. Гений?

– В некотором роде, – соглашается бес. Нутром чувствую – что-то не то. Не гений я! А он мне глаза заливает. Я, когда глаза заливают, на это чуткий. Глаза заливают перед тем, как в спину шмаляют. Это кореша. А бесы?

– Значится, для меня эта книжка вроде телефонного справочника, чего набрал, то и «алло»?

– Так, – соглашается бес.

Я погружаюсь в созерцание нашего гостя. Ну что ж. Нас четверо, он пятый – до Москвы доведем. Князя порадуем, а может... Я, собственно. Князю беса привозить не подрыжался. Мне, может, бес самому нужен. Воляна есть, тачка есть, хата есть, теперь бес нужен. Я его, может, на кухне поставлю вместо посудомойки. Правда, копию надо сделать с книжки, прежде чем ее отдавать. Без копии мне хана, как кассирше Аэрофлота без расписания авиарейсов.

Только... нехорошо ему в таком костюмчике ехать.

И тут я слышу громкое чавканье. Я гляжу вбок – это сидит голодный Генка и потихоньку пальцами таскает из общей кастрюли макарон.

- А ну клади обратно, – говорю я. Генка косится на меня и говорит:
- Ходжа, а Ходжа, он же все-таки бес. Давай его изгоним. Я ведь православный.
- А чего ты можешь? – любопытствует Сашка.
- Я все могу, – гордо отвечает гость.
- Шикарно, – говорю я, – значит, у нас тут свой «Менатеп» образовался. Чего будем заказывать?

А бес наш встрепнулся и этак с издевкой:

– А чего это я вам буду служить?

– Как, – говорю я, – бесы всегда всякое богатство приносят, то, се, золото, путаны, я вон слышал, доктор Фауст...

- А в обмен на что? – спрашивается наш гость.
- М-м... на душу.
- Я не согласен, – вдруг изрекает Генка.
- А иди ты! – говорю ему я.

И тут наш бес так вкрадчиво говорит:

– В том-то и дело, что на душу. А ты посмотри на себя, Шариф. Кто инкассаторов «Тауруса» грабил? А Алексенова кто завалил? А потом еще помнишь, ездили вы отдыхать в Сочи...

– Затнись, – ору я.

Бес затыкается с удовлетворенным видом. Это он прав. Я так даже по нашему У КА вешу лет на пятнадцать, а уж в небесной ментовке мне впаяют На полную катушку...

– Вот и рассудите, – говорит бес, – если бы вы были какие-нибудь хорошие люди, ну, доктор Фауст или еще что, то я бы, конечно, приобрел в казну ваши души. А зачем мне покупать имущество, которое и так состоит у нас на балансе? Этак меня первый же аудитор котлы чистить отправит!

Мое лицо меняется. Я бледнею. Я натягиваю кроссовки и кричу:

– Генка, где здесь церковь?

– Тебе-то зачем? – искренне поражен Генка.

– Я проникся, – кричу я, – я покаяться хочу! Ты слышал, что этот хвостатый сказал? Мы же все в котле кипеть будем! Нам там каждый день будет Чечня с полной выкладкой! Все! Я пошел каяться!

– И я с тобой, – говорит Сашка, соображая, в чем дело.

Бес испуганно вертит глазками.

– Вот, – говорю я, – будет тебе от начальства поощрение. Мол, появившись на земле, спас три души от ада! Тебе, голубчик, вместо Билли Грехема выступать надо.

В глазах беса тоска. Он вдруг соображает, что наделал. Ему нелегко. Он ясно видит себе, как отчитывается перед начальством о спасении трех душ. Он ясно представляет себе реакцию начальства.

– Братцы, – говорит он, – не надо в церковь. Ну, я вам чего-нибудь дам.

Я улыбаюсь. Вот так-то лучше.

Я подхожу к кастрюле с макаронами и молодецким мае-гири отправляю кастрюлю в воздух. Кастрюля лопается. Макароны разлетаются по комнате на манер конфетти. Они виснут на стенах, а один сталактитом свешивается с люстры.

– Жратвы, – приказываю я бесу, – оленина, баранина, осетрина – полный список ресторана «Балчуг»!

Бес начинает таять.

– погоди! – кричу я. – И баксов. Бес вновь плотнеет.

– Что такое баксы? – спрашивает он. Я вытаскиваю из кармана «франклина».

– Держи, – говорю, – для образца и давай сюда целую штуку таких.

Бес пропадает.

Кровать-сексодром вдруг крикает. Я поворачиваюсь. На кровать начинает сыпаться жратва. Шикарная жратва.

Раздается стук в дверь, и бес входит в дверь. Он по-прежнему прикинут, как Ричард III. В руках у него дипломат. Я раскрываю дипломат – в дипломате «франклины».

Через пять минут мы весело сидим вокруг кровати, пожирая припасы. Я запиваю нежнейшее мясо пивом «Туборг». Мне хорошо. Я люблю всех. Я люблю шефа, я люблю бедолагу Генку, я люблю Христа, и я люблю, даже нашего беса. Но особенно я люблю баксы.

– Слушай, кореш, – говорю я бесу, – как тебя зовут?

– Асмодей.

– Хорошее имя. Тебе сколько лет?

– Восемнадцать.

– На земле когда-нибудь был?

– В пятом классе нас возили на экскурсию, – гордо сообщает бес.

– Куда?

– На битву под Никополисом.

Я стучу полушариями друг о дружку. Никополис – это где? В Сербии? Хорватии?

– Это в каком году было? – спрашиваю я.

– В 1395-м, – отвечает бес.

– Что за херня? Тебе же восемнадцать?

– А у нас время течет не так, как у вас, – пояснил бес. – Пока у нас проходит день, у вас проходит год. И наоборот – пока у вас проходит день, у нас проходит год.

Однако!

– Слушай, – говорю я бесу, несколько захмелев, – а чего ты от нас не сбежал? Тот мнется.

– Говори, – рывкаю я, – а то в церковь пойду!

– Так ведь вы же меня не отпускали, – робко блеет хвостатый фраер.

– Не отпускал? Значит, ты не можешь пропасть без моего дозволения?

– Никак нет. Пока вы не прочитаете заклинание.

Это мне нравится. Пока я его не отпущу, он будет при мне. Жратва! Баксы! Девочки! Валютные проститутки всех времен и народов! А подать мне сюда прекрасную Елену в шелковых трусиках!

И тут дверь внезапно распаивается.

Я даже не успеваю схватиться за пушку.

Пять амбалов с непостижимой ловкостью вваливаются в номер. Первый амбал двухметрово-ростый. У него абсолютно выбритая голова и красный двухсот долларовый пиджак. Его черный галстук превосходно гармонирует с черными же очками. В руках у амбала – «беретта». Остальные четверо вооружены разнообразно, но добротнo. В руках последнего имеется помповый «мосберг», против обаяния которого, как известно, не устоит ни один бронежилет. «Мосберг» – это лишнее. У нас нет бронежилетов. На нас хватит «беретты».

Остальные четверо из наших гостей несколько поменьше ростом, как поменьше ростом вложенные одна в другую матрешки. Последний вообще не выше метра девяносто. Просто карлик.

– Откуда жратву взяли, сволочи, – орет тип в красном пиджаке.

Я оглядываюсь на Асмодея. Но его нет. То есть рядом со мной имеет место некое помутнение воздуха, из чего я заключаю, что Асмодей все еще тут. Скорее всего, он испугался до состояния полной прозрачности. Асмодей! Асмодейчик! Я тоже хочу быть прозрачным!

В это мгновение красный пиджак бьет меня по почкам. Я перекувыркиваюсь через кровать и вбок. Спасите меня! Я Атлант, который держит на голове мир. Нет, не мир! Всего лишь стенку номера. Стенка номера не выдерживает давления моей головы, и что-то оглушительно трескается. У стенки, видимо, перелом основания плитуса. Перед моими глазами комната танцует хоровод. Я становлюсь почти прозрачным, как Асмодей. К сожалению, я прозрачен только для себя, но не для визитеров. Они решили сыграть в футбол. Красный пиджак играет роль форварда. Я играю роль мяча.

За что?!!

Я влетаю носом в остатки бараньей ноги. Зубы мои рефлекторно дергаются, и нежная мякоть барана начинает таять в моем рту. У нее соленый привкус. Это привкус моей крови, и в этом баране застрял мой сломанный зуб.

– У кого, козел, воровать вздумал? – шипит амбал.

Я в ужасе завожу глаза. Я, кажется, понял. С чего я взял, что этот петух Асмодей сотворил барана? А если он его украл? А откуда же ему красть барана, как не этажом ниже?!

– А-а...

Это я глотаю барана вместе с собственными зубами.

И тут внезапная мысль пронзает меня: а «капуста»? Откуда эта паскуда взяла баксы? Тоже украла? Откуда? Не в хранилища же Токобанка он, сволочь, смотался за баксами? У кого в этом городишке самые крупные баксы?

Я открываю глаза. Мои ребята лежат в позе издохшего карпа. Двое амбалов раскрывают дипломат, имеющий место быть на диване.

– Шеф, – кричат они, – это не грины, тут книжки!

Проклятая черная инкунабула летит на пол и довольно чувствительно трахает меня в ухо. Ничего. Меня сейчас еще и не так трахнут. И не только в ухо. И не только книжкой.

– Шеф, – кричит третий, выволакивая из-под кровати дипломат с баксами, – нашел.

Все. Точно. Гад Асмодей спер баксы там же, где барана – у Леши Горбуна!

– Вниз их, – командует красный пиджак. Кто-то заводит мои руки назад и защелкивает на них наручники. Кто-то вытаскивает из-под меня «ТТ». Меня берут за ноги и тянут вниз. Я еду, как макаронина, разбитая параличом, и пересчитываю головой ступеньки. На десятой ступеньке моя голова, переусердствовав, пытается пересчитать стальные шишечки, из тех, которыми к ступенькам крепятся стержни, придерживающие ковер, и мир гаснет, как выключенный телевизор.

Все.

Тайм-аут.

Hard disk failure¹.

No boot device available².

Я лечу в мир, где один наш год считается за один их день.

Через некоторое время я открываю глаза. Я лежу в ванне. Руки мои скованы браслетами и заведены за проходящую мимо трубу. Мне за шиворот из крана хлещет холодная вода. Голос в вышине произносит:

– Мишка, прикрути кран. А то утопнет.

Поток воды превращается в капли. Водопроводная труба шипит и хрипит, как это бывает в самой обычной квартире пенсионерки-ветерана ВОВ.

Я знаю, что будет дальше. Обычно в таких ситуациях я нахожусь по ту сторону ванны. На этот раз моя очередь.

Задница моя заткнула сливное отверстие в ванне, и я лежу почти по подбородок в воде. Мне нестерпимо холодно. Кто-то вытаскивает меня из ванны и швыряет на пол. Скоро меня швырнут не на пол, а в мусорный бак. Наручники с леденящим душу визгом скользят по трубе, и руки мои, нелепо задравшись, кажется, выворачиваются из суставов. Левое плечо точно вывихнуто.

Я трясусь от холода.

– Мокрый, – отмечает чей-то голос, – под себя наделал.

С меня действительно льет, но это, братцы, вода.

– Не дождетесь, – говорю я, – чтобы Ходжа под себя делал. Уж я лучше на вас наассу.

Это я зря. В моем положении следует помалкивать. Я кругом виноват. Недоглядел за бригадой. Где этот, как его, Асмодей? Плевать мне, что он дьявол! «беретту» мне, «беретту» для Асмодея! Ах, его не берет «беретта», ах, он существо нематериальное? Тогда святой воды мне! Полный боезапас!

– Холодно ему, – говорит кто-то.

– Ничего, – говорят мои банщики, – сейчас высушим и выгладим.

Я приподнимаю глаза.

¹ Жесткий диск не исправен (англ.).

² Отсутствуют загрузочные устройства (англ.).

Надо мной стоит все тот же красный амбал: это он волок меня из ванной. Энтузиаст сушки и глаже-ния стоит чуть слева. В руках он держит старый добрый утюг.

– Ты чей? – говорит амбал, наклоняясь ко мне и помахивая перед носом какой-то ксивой.

– Братцы, – хриплю я, – я из бригады Князя. Ошибочка вышла... Идиот у нас тут завелся... Позовите Горбуна...

И делаю вид, что отключился. Амбал пинает меня ногой, но я остаюсь недвижим, как стрелка спидометра в выброшенном на свалку «Запорожце».

Хлопает дверь. Я остаюсь в ванной один. Амбалы, видимо, пошли за Горбуном.

Я лежу в холодной луже и с ужасом думаю, во что я вляпался. Сейчас придет Горбун. Что я ему расскажу? Что его чемоданчик спер чужак? Какой чужак? Бес? Какой бес? Ах, с рогами и копытами? Из преисподней? Ты с каких пор на колесах сидишь, падла?

И тут меня обжигает мысль. Книги! Горбун взял книги! Положим, он догадается, что это книги Князя. Положим, Князь и Горбун помирятся. За чей счет? За мой счет. Я поссорил двух воров. Что со мной будет, догадаться нетрудно. Хуже бывает только с чиновником, который поссорил два банка.

Я вновь открываю глаза. Моему взору предстает маленькая, гнусная гостиничная ванна с сантехникой «made in Тьмутаракань». Стены выложены кафелем. На черном шнуре качается выключенная лампочка. Наверху, в стене, форточка размером с книжку-покетбук. Стекло закрашено масляной краской, но форточка раскрыта, и в комнате довольно светло. Внезапно я слышу шум крыльев, и в форточку просовывается голова черной вороны.

– Привет, ясновельможный пан, – говорит ворона, – ты жив?

– Асмодей! Сукин сын! Это ты?

– Я, ясновельможный пан.

– Живо! Вытащи меня отсюда!

Ворона вспархивает в комнату и цепляется когтями за водопроводный кран.

Фррр! Он стремительно увеличивается в размерах. Черт! Он превращается в змею! Анаконду!

Но в ту секунду, как я это понимаю, змея пропадает, и на ее месте сидит кролик.

– Асмодей! Ты что?!

– Простите, ясновельможный пан! Я перепутал заклинания!

Кролик стремительно начинает раздуваться в размерах!

О боже мой! Он превращается в слона! Он меня раздавит!

– ! – ору я.

На месте недовыпеченного слона стоит Асмодей, в этой своей поганой хламиде. Двоечник нашелся на мою голову! Домашние задания надо было учить! Что он делал, когда в школе изучали заклинания? Молодым бесовкам под юбки лазил?

– Сними с меня браслеты, – командую я.

– Как?

– Как хочешь! Что, не умеешь снимать браслетов?

Асмодей тупит глазки.

– Когда мы проходили в школе цепи и колодки, – шепчет он, – я болел гриппом... Я не помню заклинаний...

– Тогда принеси ключи! Воровать ты умеешь! Асмодей начинает таять.

– Стой! Поздно!

В дальнем конце коридора слышны шаги. Это по мою душу. То есть по мою душу пришел Асмодей. Те придут по мое тело. Черт! Если они меня прикончат, то и бес будет рядом, чтобы доставить меня по назначению!

– Асмодей! Помоги мне! Что-нибудь ты, сволочь, можешь сделать?

– Превратить вас в ворону, – советует Асмодей.

Гм. Если я стану вороной, то моя лапка сама собой выскользнет из наручников... Однако этот двоечник...

Снаружи скрипит замок.

– Превращай! – кричу. – Е... твою мать! Бах! Трах! Мне показалось, что пол летит ко мне навстречу и сейчас как по мне вмажет! Не вмазало! Я открыл глаза – пол в десяти сантиметрах подо мной, и шея моя такая гибкая-гибкая. Я гляжу вниз – под шеей лапки, такие зелено-серые, поворачиваю голову влево – мама! Там панцирь!

Этот прогульщик превратил меня в черепаху! Дверь в номер распахивается. На пороге стоят Лешка Горбун, красный амбал и еще кое-какое бандитское ассорти.

– Бля! Убежал, скотина, – орет красный амбал.

– Обыщите ванну, – командует Лешка Горбун. Вот псих! Ну спрашивается, зачем ему обыскивать ванну? Куда в этой ванне может спрятаться мужик ростом метр восемьдесят пять? Амбал, оттопырив задницу, лезет под ванну и, конечно, выволакивает меня. То есть он не знает, что это я. Он думает, что выволакивает черепашку. Я от страха – вдруг признает – скрючился и голову сунул под панцирь.

– Гля, – говорит амбал, – зверюшка. Откуда она тут?

И с досады хочет швырнуть об стенку. И в этот момент внизу раздаются шум и торжествующие выкрики:

– Словили голубчика!

Дверь ванной распахивается, и вводят – мать честная! – вводят меня.

Я вытаращил свою черепашую голову из кармана амбала и стал смотреть.

Я – то есть не я, то есть это было одето точно так же, как я, и рожу имело такую же.

Тут я сообразил, что это должен быть Асмодей. Больше некому. Похоже, что им, бесам, так же легко переодеть тело, как людям надеть другой пиджак. Караул! Принял, сволочь, мое обличье, документы прикарманил, меня в черепахи определил, и будет эта гнусь теперь жить в России и подыматься вверх по лестнице чинов и званий. Может, министром станет, а может – президентом. И тут я представил себя – то есть его – в роли президента, и мне показалось так сладко-сладко... Но потом я подумал, что с моей творческой биографией ему президентство не светит. Эта гнида, скорее, какого-нибудь Чубайса в черепахе превратит и на себя его личину напялит. И я буду, таким образом, совсем ни при чем, и рожа не моя, и душа чужая. И тут мне так горько-горько сделалось, что я эту гниду в мир пустил, что я чуть не крикнул на всю комнату: «Я здесь – а это самозванец!»

А беса – то есть меня – тем временем шварк на пузо перед Горбуном.

– Ты чей такой крутой? – спрашивает Горбун, – тебя кто послал мне праздник портить?

Я-не я – молчу. А чего ему, ффраеру позорному, говорить? У него ж последняя информация о нашем мире датирована 1395 годом.

– Простите, – говорит мой бес, – ясновельможный пан, это случайно вышло.

– Случайно только гуси трахаются. Кто тебя послал?

Бес мнется. Он не знает, что отвечать. Вероятно, в 1395-м крутые ребята вели себя иначе. Горбун вынимает из кармана здоровенный «люгер» и бьет беса рукояткой «люгера» по зубам. Кусочки перламутра с рукоятки и зубы отскакивают в разные стороны.

– Кто тебя послал мне праздник поганить?

– Он сказал – Князь, – подает голос красный амбал.

Я не сказал – Князь! Я сказал, что я из бригады Князя!

– А остальные что говорят? Бандиты прячут глазки.

– Да нежные они больно, – подает голос один. – Передохли, как пион при заморозке. Е..! Они завалили моих ребят!

– Откуда Князь знал о бабках?

Бес молчит и хлопает ресницами. Черт. Я и не знал, что у меня такие красивые ресницы.

Красный амбал заходит сзади и надевает на голову бесу полиэтиленовый пакет. Пакет крепко скручивают, так, чтобы пациент не мог дышать. Вот сейчас он начнет дергаться и задыхаться...

Бес не дергается и не задыхается. Он сидит и спокойно посматривает на народ сквозь плотный, полупрозрачный пакет.

Проходит минута, другая, третья.

– Сорви пленку, – орет Горбун, – а то он сейчас копыта откинёт!

Пакет срывают, и бес сидит под пакетом свежий, как персик из рефрижератора.

У черепашого зрения, оказывается, есть свои особенности. Во-первых, я вижу мир в черно-белых тонах. Наверное, когда господь творил черепах, инженеры еще не подкинули ему идею цветного кинескопа. Во-вторых, периферическое зрение у черепахи шикарное. Оно классом выше, чем у шестнадцатикамерной системы наблюдения, которую Князь недавно завел на своей дачке. Я вижу все, что происходит впереди меня, все, что сбоку, и немножечко из того, что происходит сзади.

Этим-то своим шестнадцатикамерным зрением я вижу, как один из помощничков Горбуна приносит паяльник и удлинитель.

– Ну что, детка, – ласково спрашивает Горбун, – Князь тебя послал по мою душу или за чемоданчиком?

– Да ничего такого не было, – говорит бес, – а просто один человек попросил меня принести этих бумажек, я поглядел, где их можно достать, и принес.

– Какой-то такой человек?

Бес глупо хихикает и изрекает, падла;

– Да вон он, в твоём кармане, – и кивает на мою черепахью физиономию.

– А парень-то уже того, тронулся, – комментирует амбал.

– И думать нечего, – заявляет Горбун, – это работа Князя. – Вечно у него такие придурки в банде. Обиделся, значит, на меня за Полесск. Ладно. Я ему такой Полесск устрою. Я его урою. Я его...

И Горбун в кратком, но исчерпывающем выступлении разъясняет любопытным слушателям, что именно он сделает с Князем. Некоторые его обещания явно не правдоподобны с физиологической точки зрения.

– Бывайте, ребятки, – говорит Горбун и делает ручкой.

– А этого?

Горбун проводит рукой у себя под подбородком.

– В Москву! – кричит Горбун, как три чеховских сестры. – Мне нужен Князь, а не его «шестерка». Слышь, Лось? Кончишь с этим – и в Москву.

Дверь за Горбуном захлопывается.

Лось – то есть амбал – переводит свой «люгер» на автоматический огонь и начинает стрелять. «Люгер» без глушак. Шум стоит обалденный. Отработанные гильзы сыплются на пол, как пшеница из элеватора. Я (то есть бес) становлюсь похожим на дуршлаг. Это очень неприятно, когда тебя расстреливают на твоих же глазах. Если этот бес просто прикинулся мной, это его дело. Но если это и вправду мое тело, то моя душа просто на глазах лишается жилплощади.

Лось опустошает магазин и перестает стрелять.

Бес стоит у стенки и кротко моргает. Из него хлещет, как из простреленного нефтепровода. Затем он встряхивается, шепчет чего-то и стоит целый и невредимый.

– Е... – говорит Лось, – и пуля его не берет! Ну ладно, я пока раздумал стрелять.

Бес берет своей правой рукой левую руку, и левая вдруг отнимается от плеча. У беса, впрочем, тут же отрастает новая, а левая рука превращается в обломок водопроводной трубы.

– Мама! – говорит Лось, от изумления забыв более ядренные выражения. И тут же экзотичность обрушивается ему на голову. Лось вырубается.

Любитель стирки и глажения бросается к дверям. Правая рука беса растет с непостижимой скоростью, обгоняя бегущего бандита. Пальцы беса смыкаются на его макушке в тот момент, когда он уже возится с дверью, удлиняются, чтобы было удобней держать, и – бац – голова бандита с приличным даже для СУ-27 ускорением сталкивается с дверной фанерой. Обе пришедшие в столкновение стороны несут тяжелые и невосполнимые потери. Дверь раскалывается. Бандит падает затылком о пол. Он вот-вот отдаст душу... гм, я теперь сомневаюсь, что он отдаст душу Богу.

Бес шепчет заклинание, и я опять превращаюсь в человека.

– Ну что, пошли, – говорит Асмодей.

– Где мои ребята?

– Померли, – разъясняет бес, – ты один живой остался.

Я нагибаюсь над поверженным Лосем и вынимаю из его руки «люгер». «Люгер» слишком легкий – видно. Лось расстрелял всю обойму. Я шарю в кармане Лося, нахожу запасную обойму и вставляю ее. Лось открывает глаза и, видимо, начинает приходить в себя. Ему, наверное, кажется, что у него в глазах двоится, потому что перед ним стоят два совершенно одинаковых Шарифа Ходжаева. Лось чего-то шепчет.

– Сдача за ребят, – говорю я и спускаю курок. На лбу Лося расцветает красный первомайский пион. Я поворачиваюсь и стреляю в затылок второму боевику – мертв он там или не мертв, а выстрелом покойника не испортишь.

– Вот теперь пошли, – говорю я бесу. Бес довольно улыбается. Его сегодняшнее появление пополнило топливные запасы ада по крайней мере пятью грешниками. А до полуночи еще далеко.

Мы выбегаем на крыльцо. Нашей тачки нигде нет – видимо, «шестерки» Горбуна уже устроили ей ремонт с пристрастием. В пяти метрах от меня стройный юноша в камуфляже любовно моет серебристый бок шестисотого «мерседеса». Юноша улыбается несколько ошеломленно, но тут моя пятка въезжает поперек его улыбки. Юноша влетает задом в урну для мусора, установленную у крыльца лет десять назад и с тех пор не опорожненную. Он все так же ошеломленно улыбается, однако теперь в его улыбке не хватает двух зубов.

– Рвем когти, – командую я, зашвыривая Асмодея на переднее сиденье и сам плюхаясь за руль.

«Мерседес» срывается с места, поддав бампером ведро с водой, из которого омывал его юноша.

Вслед за нами на крыльцо гостиницы выскакивают подручные Горбуна и начинают деловито палить вслед удаляющемуся «мерсу». Шум стоит изрядный. Свинца вокруг выпадает больше, чем над предприятиями «Дальполиметалла». Когда выясняется, что проку от этого немного, бандиты запрыгивают в синий «джип чероки» и ломают вслед.

Наша тачка подпрыгивает на поворотах, как воробей перед воробьиной, и желтые фары «чероки» лбыются на меня из зеркала заднего вида. Мы, кажется, отрываемся...

– Нам направо, – вдруг говорит бес.

– Куда направо! Там тупик!

– Там не тупик. Там дом Горбуна. Там книга.

Я вдруг понимаю, зачем он меня вытаскивал из ванны и что ему нужно. Ему нужна книжка с заклинаниями, которая осталась у Горбуна и без которой он не может вернуться в родные пенаты. Ему нужен я, чтобы прочитать заклинания. Без этих двух ингредиентов бедный бес обречен скитаться в нашем мире до конца вечности, который вряд ли наступит в обозримый исторический период.

Я – ценный кадр. Я незаменим. Впервые в жизни.

Мы наконец вылетаем на шоссе, под носом у важного белобокого автобуса, который испускает негодующий вопль, и я гляжу на приборный щиток и начинаю ругаться. – Что такое? – встревоженно спрашивает бес.

– У нас кончается бензин.

– А что такое бензин?

– Та штука, которую подают в мотор, чтобы он работал, – пояснил я.

Асмодей с интересом воззрился перед собой.

– Ты хочешь сказать, что бензин – это та водичка, которая поступает в стальную банку, а оттуда – в четыре колбы, которые ходят вверх и вниз?

– Ты что, видишь сквозь капот?

– А как же?

– В общем, ты прав.

Бес задумался. – А в машинах преследователей – тоже бензин? – поинтересовался он.

– Да!!!

– А что, если я перелью бензин из их баков в наш – это нам как-то поможет?

– Мужик, – с чувством произнес я, – это было бы в кайф!

И тут же указатель бензина пошел вправо.

– Стой, – заорал я, когда стрелка подошла к отметке сорока литров, – стой, перельешь!

– Но я взял бензин только у одной машины, – запротестовал бес, – а что делать с остальными?

– Вылей его на дорогу, – говорю я, – или нет, погоди!

Я радостно щерюсь.

– Слушай, Асмодей, – говорю я бесу (да ну его с его иудейским именем), – ты видишь, как устроен двигатель? Ты видишь, что после того, как в цилиндр впрыснут бензин, сверху подается искра, от которой загораются бензиновые пары?

– Ну да.

– А теперь сделай так, чтобы на автомобилях преследователей эта искра была подана не на цилиндр, а в бензобак...

Я не договорил. Руль вышибло у меня из рук. Я взмыл в небо задницей кверху и увидел далеко под собой разлетающийся в разные стороны «мерседес». А сам бес стоял среди всего этого бедлама как ни в чем не бывало и оглядывался с видом шестилетней девицы, разбившей любимую чашку дедушки. Ему-то было нипочем! Подумаешь, взорванный бензобак! Если подумать, так у них там в аду именно такой климат. Он, можно сказать, грелся на солнышке и чувствовал себя как дома.

Тут траектория моего полета изменилась, я пошел на снижение, спланировал головой в кусты и вырубился.

Проклятый двоечник пустил искру в бензобак. Но, естественно, перепутал. Он пустил ее в наш бензобак.

Через двадцать минут я и Асмодей въехали в широкий двор виллы Горбуна. Меня выволокли из джипа, где я сидел, зажатый, как котлета в гамбургере, провели в дом и дали изрядного леща. Я пролетел короткое расстояние по воздуху и с шумом обрушился к двум маленьким ножкам, одетым в кроссовки «адидас» тридцать восьмого размера. Я трепыхался довольно вяло, как таракан, у которого отрезали голову. Потом я попробовал было приподняться, но тут одна из кроссовок не по размеру больно врезала мне по шее, я ойкнул и уставился глазами вверх. Надо мной, как Останкинская телебашня над муравьем, высился Горбун. В руках он держал злополучную колдовскую книжку.

Меня вздернули на ноги, я повернул голову и увидел, что в комнату вводят Асмодея, так и не удосужившегося переменить личину.

– Ого, какие мы похожие, – откомментировал наше появление Горбун. – Это чего же в нас похожего? – огрызнулся я, – у него синяк слева, а у меня справа.

– Тачку мою угрохал, – задумчиво протянул Горбун.

– Бес попутал, – сказал я.

– Это вот кто бес? Он?

И Горбун кивнул на моего спутника.

– Он и угрохал, – злобно говорю я, – двоечник!

– Мне книжка нужна, – виновато объяснил бес, – а Шариф не хотел за книжкой к вам заезжать. Вот я и решил сделать так, чтобы мы непременно забрали книжку.

У Горбуна от такой наглости глаза стали величиной с два арбуза.

– Ах за книжкой заехать? – усмехнулся Горбун. – А браслеты тебе не мешают?

– Ну, это дело наживное, – спокойно сказал бес. В следующую секунду я почувствовал, что руки мои свободны, а наручники растворились в воздухе, словно эффералган-УПСА в стакане воды.

Асмодей заливисто свистнул и вскричал:

– Лети!

И тут же книжка вспорхнула страницами и спикировала прямо на меня.

– Держи!

Я подхватил черный том под мышку.

– Вали гадов! – отчаянно закричал Горбун.

Братва повыхватывала волены...

И ту же все стоящие вокруг превратились в Шарифов Ходжаевых. Парни растерялись и не знали, в кого стрелять. Даже сам Горбун превратился в Шарифа Ходжаева, и это был первый раз, когда Горбун оказался без горба.

– Е-мое! Да они не близнецы, – потрясенно сказал кто-то. – Их тут десять одинаковых!

Асмодей, усмехнувшись, начертил в воздухе какую-то замысловатую огненную фигуру, и в следующую секунду нас вынесло из дома и опустило рядом с развороченной машиной на ночное шоссе.

Я почесал в затылке и поглядел туда, где за поворотом осталась Горбунова вилла.

– У тебя что, только пригородные кассы работают? – спросил я. – Куда-нибудь подальше нас не мог отнести? В Москву хотя бы.

– А где эта Москва?

Я почувствовал беспокойство. У этого Асмодее возьмешь билет до Москвы, а приедешь в Гонолулу.

– Географию в школе надо было учить, – пробормотал я, – а не грешниц в котле щипать. Ладно. Надо поймать тачку.

Мы вышли к шоссе и довольно долго голосовали: но все машины проносились мимо.

– Черт, – сказал я, – чего им останавливаться? Вот если бы с нами была телка... Погоди! Ты можешь в телку превратиться?

– В телку?

– Ну да! То есть в девку!

– Я и тебя могу превратить, – ответил бес.

– Нет уж, спасибо! Напревращал! Через пятнадцать минут декабрьский холод пробрал меня до костей.

– Черт с тобой! Превращай!

Через секунду я обнаружил, что стою на обочине дороги не только без одежды, но и, извините, без члена. Зато с грудями. Пролетевшая мимо машина безумно подмигнула мне фарами.

А бес движеньем руки опять набрал полную пригоршню лунного света и габаритных огней, обсыпал ими нас обоих с ног до головы и чего-то зашептал. В ту же секунду блики превратились в довольно-таки сверкающие тряпки, я сделал шаг и ткнулся носом в землю. Еще бы! У меня на ногах отросли во-от такие каблуки! Это мне не очень-то понравилось. Вот интересно: если парня превратить в бабу да и переспать с ним: это будет считаться, что его опустили, или нет?

– Ты как допер до такой одежды? – зашептал я.

– Так были одеты девицы в гостинице, – пояснил бес.

Гм! Догадлив, фраер!

Первый же пролетевший было мимо нас «жигуленок» врубил по тормозам.

Дверца распахнулась, и пожилой, интеллигентного вида мужик в каракулевой шапке сказал:

– Вам куда, девушки? Могу подвезти только до Подушкина.

Мужик мне понравился. Воспитанный такой, благоразумный. Я бы с удовольствием поехал с ним до Подушкина. Но, к сожалению, нам было, не до Полушкина. Нам до Москвы.

Через мгновение зубы изумленного водителя стукнули о ствол позаимствованного мною у горбунова боевика «ТТ». Ствол во рту обыкновенно действует на людей самым положительным образом. Даже самые вздорные типы не любят, когда во рту у них кто-то шарит стволом. Во-первых, существует опасность отбить зубы. Во-вторых, существует опасность, что эта штука выстрелит. Особенно на человека действует, если из ствола недавно стреляли и он пахнет порохом.

– Извини, мужик, – сказал я, – но за нами тут гонятся нехорошие парни, и тебе лучше не быть в тачке, если нас нагонят. Бывай, – с этими словами моя тонкая женская ручка взяла водителя за шкирку и вытряхнула его в снег на обочине.

Я и Асмодей миновали мост через МКАД в девять тридцать утра. Я специально велел Асмодею оставаться в женском виде, и солдаты на блок-посту не стали останавливать двух утренних девиц.

На душе у меня словно таракана раздавили. За прошедшие сутки предприятие Шарифа Ходжаева записало себе в пассив неминуемую разборку с двумя бандами: с Горбуном и с материнской структурой. В активе имелся Асмодей, колдовская книжка и приобретенное, по нуждающимся в подтверждении сведениям, умение колдовать. Активы не покрывали пассивов. Баланс явно не сходился. Предприятие Шарифа Ходжаева вскоре обанкротится в связи с повышенным содержанием свинца в трупe вышеупомянутого предприятия.

Где мне жить, я не знаю. Все мои лежки известны Князю. Я притормаживаю у телефона-автомата в стеклянной косынке.

– Сиди и не вылазь, – команду я Асмодею. В своем женском облике я вышел из «жигуленка» и направился к телефону. Покончив со звонками, я повесил трубку и вошел в расположенную слева дверь, рядом с которой висело кривое объявление: «Ксерокс».

Внутри располагалась какая-то чахлая контора с фикусом на окошке и искомым прибором в закутке.

– Миленькая, – сказал я, подмигивая скучающей у ксерокса девушке, – мне вот эту книжку, а? Два экземпляра?

Девушка вздрогнула и посмотрела на меня. Черт! Я и забыл, на что я похож. Еще примут меня тут за представительницу сексуального меньшинства.

Девушка приняла от меня деньги и принялась ксерить книжку. Но – вот неожиданность! Как она ни старалась, в лоток вылетали одни непропечатанные страницы. Что за притча! Как только положит на стекло какую-нибудь газету или книжку для проверки, так сразу ксерится

в наилучшем виде. Как только положит мою книжку – листы идут белые, как передник перво-классницы!

Тут я занервничал и полез через перегородку.

– Пустите, – говорю, – я сам.

– Да она у вас, женщина, заколдованная какая-то, – чуть не плача, говорит мне девица.

И тут на улице раздался такой шум и визг, словно пяти сигнализациям наступили на хвост. Я подскакиваю к окну и вижу – два гаишных «форда» с размаху подлетают к «шестерке», в которой мирно дремлет Асмодей, выдирают с корнем дверцу и волокут Асмодея наружу, под дула автоматов. Б..! Пожалел я водителя, выкинул, не замочил – вот она, людская благодар-ность! Раскудахтался, сука, на ближайшем посту!

– Руки вверх!

Я оборачиваюсь – сзади уже стоят двое ментов и тычут в меня пушками.

– Тебе, краснозадая, говорят!

– Это я-то краснозадая? – свирепею я. Еще никто не называл Шарифа Зверя краснозадой.

И в ту же секунду из-за моего плеча слышится голос:

– Зачем вы обижаете моего друга?

Я оглядываюсь: Асмодей! И как он, черт, успел с улицы оказаться здесь?

А Асмодей ухмыляется и щелкает пальцами. И тут же все пребывающие в комнатке пре-вращаются в девушек в красном жакетике и на высоких каблукках. Включая ментов. Я балдею. Менты тоже балдеют. Они не знают, какую из тех, кто в красном жакетике, класть на пол. Я бы на их месте тоже пришел в недоумение. А пока, пользуясь их растерянностью, я выскакиваю из окна и делаю ноги.

Я и Асмодей бежим по узкому переулку. Мы в красном жакете и на высоких каблукках. За нами ломит целая толпа ментов – пять штук. Они тоже в красном жакете, на высоких каб-лукках и с женской мордой. Менты разъярены. Еще бы! Если бы меня из мужика превратили в телку, я бы тоже разъярился.

– Вот что, – шепчу я Асмодею, влетая в сквозной подъезд, – превращай обратно!

В следующую секунду я ощущаю, что на мне штаны и, слава Богу, изнутри меня в эти штаны кое-что упирается.

В подъезд влетает целое стадо девушек в красных жакетах. В руках девушек – омовские «кипарисы».

– Парни, – орет одна, – девок тут двух не пробегало?

– Каких?

– Да таких же, как мы!

– Вот туда побежали, – показываю я. Стадо пробегает через подъезд и скрывается в неиз-вестном направлении. Я начинаю ругаться.

– Слушай, – говорю я, отругавшись, – Асмодей, почему я ксерокс с книжки снять не мог?

– Что такое ксерокс?

– Ну, копия.

– Но волшебная книга может существовать только в одном экземпляре, – разводит руками Асмодей. – Единственный способ снять с нее копию – это переписать ее собствен-но-ручно. В таком случае, по мере переписывания, переписанные слова будут пропадать с листов книги. Это очень хороший способ. Ведь если ты делаешь по невниманию ошибку, то перепи-санное слово не исчезает и ты можешь сразу заметить, что что-то не в порядке.

Это мне не нравится. Это значит, что я не могу отдать книгу Князю. Впрочем, вопрос с Князем, кажется, снят с повестки дня.

– Ладно, – говорю я Асмодею, – пошли пожрем чего-нибудь. Только без твоих фокусов, ясно? Мне тут остались командировочные в наследство от полушкинского мужика, на них и пожрем. Ясно?

Спустя три часа в маленькой забегаловке, выбранной мной потому, что я никогда там не бывал, я жрал облитые уксусом пельмени и обдумывал свое положение. Положение было фиговое. На меня охотились две банды – раз. На человека, за которым охотятся его же собственные коллеги, очень скоро начинает охотиться ментовка – два. Впрочем, ментовка ко мне и до того не раз приставала, и не далее как неделю назад некий капитан Душан содрал с шефа десять штук за одну мою промашку. Жить мне было негде. Хрустов снять лежку не было. Конечно, был Асмодей, который мог пошевелить пальцами и вынуть хрусты из воздуха, но опыт показал, что ненавязчивым сервисом Асмодеев лучше не пользоваться.

Асмодей виноватился рядом, ковырял пельмени вилочкой. Видно было, что пельмени ему совсем не по душе. Уж не знаю, чего он там в аду предпочитал: печенку прелюбодея в сметане или яички продажного прокурора под соусом «семь смертных грехов», а только пельмени ему не по вкусу.

Хмурится мой Асмодейчик, длинными ресницами хлопает. И тут мне вдруг его, знаете ли, жалко стало. Ведь вот подумать тоже: я сижу тут без «капусты» и без бригады, и то мне тошно. А Асмодей? Он-то вообще ни ухом ни рылом в этом мире не смыслит. Вот подъехал к стекляшке красный, как стручок перца, «жигуль», а он и «жигуля» никогда не видал. Вот булькает справа от нас кофеварка – а он и кофеварки никогда не видал. И все-то его воспоминания об этом мире – широкомасштабная разборка под Никополисом аж в 1395 году...

– Вы что, господин, задумались? – спрашивает Асмодей.

– Так. За жизнь думаю. Асмодей удивляется:

– Так что же думать? У вас я есть.

– Ты молчи в мешочек. Ты ж меня все время кидаешь, лопух ты несчастный!

– Так что ж, – сказал Асмодей, – мы с тобой договора не заключали, тебе меня в аренду не сдали, все, что происходит, считай, из чистого альтруизма.

– Договор? – глаза у меня лезут на лоб. – Гм... ты мне сначала расскажи, на что ты способен. Я свою душу задарма не продам. С примерами давай рассказывай, наглядно.

– Ну, – произнес бес, – наша профессия – чары и морок. Мой дядюшка Мефистофель, например, творил для доктора Фауста всякие чудеса. Например, однажды он накормил его гостей фруктами, перенесенными из Южной Америки, самого диковинного вида.

– Тоже мне кидалово, – говорю я, – я лучше в супермаркет схожу.

– В тот же день на пире играли чудесные мелодии невидимые музыканты.

– Это твое волшебство на митинском радиорынке сто баксов стоит. Магнитофон называется.

Вижу, Асмодейчик мой приуныл, ручкой ротик закрывает. Классный у него ротик, кстати, девичий, и футболочка на грудках этак оттопыривается... Вот интересно, если гермафродита трахнуть – это я голубой или не голубой?

– Баб можно привораживать, – шепчет бес.

– Тьфу ты! Да чтоб деловой из-за бабы душу отдал!

И тут Асмодей меня потрясает.

– Дай сдачу, – говорит он, – ну, что ты с этих пельменей получил.

Я, пожалвшись, отдаю ему двадцать тысяч. Асмодей подходит к книжному лотку, расположившемуся у входа в столовку, и покупает журнал «Автопилот». Он возвращается к столику и начинает его листать. На развороте журнала его внимание привлекает шикарный волоокский «вольво». У «вольво» блестящие бока и черные, украшенные стальной звездой колеса. Асмодей что-то шепчет – и в этот миг «вольво» пропадает со страницы. Здорово! Видал я, как тачку угоняют из закрытого гаража, но чтобы тачку угнали со страниц журнала, это я видел первый раз.

– Пойдем, – говорит Асмодей.

Я доедаю пельмень и выхожу из забегаловки. Близ тротуара стоит волоокий «вольво». Он не заперт. Какой-то пацан на той стороне улицы уже сделал стойку – ключи от «вольво» болтаются в замке зажигания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.